

УДК 908(470.51)

**КАЗАНЬ: ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНИЦИАТИВЫ
ПО РАЗВИТИЮ ЭТНОГРАФИИ УДМУРТОВ В ПЕРВЫЕ
СОВЕТСКИЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ***А.Е. Загребин***Аннотация**

Статья посвящена одной из страниц истории этнографического изучения удмуртов, связанной с деятельностью научных обществ Казани. Показано, что собирательская и просветительская работа Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете способствовала усилению краеведческой активности в среде удмуртов, а революционные события 1917 г. стимулировали общественные инициативы по созданию научных учреждений, ведущих этнографические исследования в Волго-Камском регионе.

Ключевые слова: Казань, научные общества, финно-угроведение, этнография удмуртов, И.С. Михеев, М.Г. Худяков, К.П. Герд.

Финно-угроведение и как часть его этнография удмуртов самым тесным образом оказались связаны с общественной и научной жизнью Казани. Ключевым элементом этой связи было основанное в 1878 г. Общество археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете (ОАИЭ) [1]. Одной из целей ОАИЭ было поддержание контактов между университетом и общественностью, позволяющее выпускникам не утратить интереса к науке. Работая в этом направлении, ОАИЭ много способствовало консолидации сил энтузиастов этнографии и краеведения. Благодаря деятельности ОАИЭ в научный оборот был введен значительный объем нового фактического материала, имеющего отношение к этнической истории и бытовой культуре финно-угорских народов края. Например, в 16 томах «Известий ОАИЭ» (из 34) опубликованы исследования, составляющие важную часть историографического корпуса дореволюционной этнографии удмуртов (см. [2, с. 95]). Среди авторов этих трудов были и удмурты, получившие образование в Казани и состоявшие членами ОАИЭ: о. Иоанн (Васильев), И.С. Михеев, И.В. Яковлев и др. [3]. Из числа местных студентов и семинаристов вышло немало помощников, сопровождавших этнографов и лингвистов в поездках к удмуртам с целью исследования их духовной и материальной культуры [4]. Соприкоснувшись с миром науки и даже став его частью, им было трудно мириться с положением своего народа, испытывающего дискриминацию со стороны имперских властей. Наверное, неслучайно инородческая интеллигенция почти единодушно поддержала падение дома Романовых и установление республики.

Непросто складывалась судьба ОАИЭ в советский период. В самом Обществе нередко звучали требования обновления. Показательно в этом отношении выступление Н.А. Бобровникова, товарища председателя ОАИЭ, предложившего в условиях упадка прежних исследовательских центров учредить специальную «Востоковедную комиссию», которая сосредоточилась бы на систематической разработке проблем «инородчествоведения». Докладчик подчеркивал: «Проектируемая Комиссия не должна быть многолюдной говорильней, а небольшой рабочей коллегией и состоять исключительно из авторитетных в науке людей, чтобы сделаться центром, зародышем, смею сказать, тех учреждений, о которых мечтал первый съезд племен Поволжья: восточного факультета, института при нем живых языков востока и школы элементарного практического их изучения. Политика, как элемент, разделяющий людей, не должен быть допущен в Комиссию» [5, с. 168]. Впрочем, время само подсказывало формы и методы работы. Так, в преддверии перемен, связанных с процессом автономизации, своевременным выдвинулось предложение о смене исследовательского вектора с территориального на этнический. В частности, было предложено приступить к составлению этнографических карт, основанных на сведениях, собранных при помощи опросных бланков [6].

Инициативная, в целом ряде случаев даже подвижническая деятельность членов ОАИЭ, ранее других отказавшихся от этноцентризма в пользу толерантного отношения к культуре разных народов, способствовала созданию в региональном научном сообществе обстановки диалога, приемлющего множественность точек зрения и интерпретаций. Падение монархии породило у образованной части неславянских народов страны надежды на демократическое обновление жизни (см. [7, с. 72]). Надежды включали в себя не только желание быть услышанными, но и стремление к равенству с титульной нацией в вопросах культуры, образования и науки. Примечательно, что в те годы наряду с национально ориентированными политическими и просветительскими организациями возникали региональные межэтнические объединения.

22 марта 1917 г. в Казани было учреждено Общество мелких народностей Поволжья. В Обществе образовались чувашская, черемисская (марийская), мордовская и вотяцкая (удмуртская) секции. Собрания вчерашней инородческой интеллигенции, а ныне граждан обновленной страны проходили в атмосфере свободы самовыражения и творческого подъема. Удмуртский писатель и ученый-педагог И.С. Михеев (1876–1937) писал: «Я помню первые заседания этого общества... какое воодушевление царило на этих заседаниях. У всех было искреннее и твердое намерение поработать на пользу своего народа, у всех было радостное настроение. “Поздравляю Вас, писал мне один инородец на Пасху, с двойным праздником – воскресением Христа и воскресением наших народностей”. Да, это, действительно, было наше воскресение. Многие инородцы, работавшие до сих пор у других народов, вернулись для работ к своим братьям; многие, доселе скрывавшие свое инородческое происхождение, превратились в деятельных работников среди инородцев» [8, с. 19–20].

В мае 1917 г. состоялся I Съезд этого объединения, на котором среди прочих был поставлен вопрос о местном самоуправлении. Характерно, что на съезде прозвучали предложения об «осуществлении в России федеративной республики»

с последовательной организацией «особых национальных штатов», но они не получили поддержки большинства, ограничившегося идеей создания культурных автономий. В числе меньшинства оказался представитель удмуртской секции Общества доктор Т.К. Борисов, ставший впоследствии одним из создателей удмуртской автономии (см. [9, с. 46–47]). В августе того же года состоялся II Съезд Общества, вскоре преобразованного в Союз, принявший свой Устав и обратившийся с воззванием «К свободным гражданам Великого Отечества – братьям чувашам, мари, эрзе, мокше, вотякам, зырянам, пермякам и другим». На III Съезде Союза в июне 1918 г. главными вопросами стали культурно-просветительская работа и организация системы образования всех уровней для национальных меньшинств. Осенью, после подавления антибольшевистских выступлений в Среднем Поволжье, работа секций постепенно сворачивается. В любом случае нельзя не согласиться с тем, что «деятельность Союза мелких народностей Поволжья оживила работу по консолидации нерусских народов региона, прежде всего в местах расселения диаспорных групп, оказала идейно-организационное воздействие на объединение элит в национальные общества и союзы, содействовала открытию национальных учебных заведений...» [10, с. 173].

Интересна научно-исследовательская работа Общества (Союза) мелких народностей Поволжья, предполагавшая создание «национальных историй». При Обществе действовала «научная комиссия по разработке вопроса о преподавании родного языка, истории и этнографии в школах всех ступеней среди мелких народностей Поволжья», постановившая выработать единую программу преподавания истории народов региона (см. [11, с. 9]). Эта работа была поручена председателю правления Общества, историку и этнографу, приват-доценту Казанского университета Н.В. Никольскому [12]. Будучи учеником Н.И. Ильминского, он изначально был ориентирован на работу с неславянским населением Поволжья.

Ученый-востоковед и теолог, профессор Казанского университета и директор Казанской учительской семинарии Н.И. Ильминский считал, что наиболее эффективной формой распространения христианства среди неславянских народов края было развитие образования на родных языках [13]. Следуя традиции, заложенной учителем, бывшие семинаристы видели перспективу своей деятельности в самопознании, а также изучении материальных и духовных ресурсов народа. Вместе с тем активисты Общества были открыты для общения и установления культурно-научных контактов: так, уже через два дня после учредительного собрания они обращаются с письмом к давнему партнеру казанских ученых – Финно-угорскому обществу в Хельсинки. Хранящееся в архиве этого общества письмо гласит: «Признавая ученые заслуги Финно-угорского общества, выразившиеся в многочисленных изысканиях по научному истолкованию жизни, быта и языков народностей Поволжья, и питая полную уверенность в осуществлении восстановленных по Манифесту Временного Правительства от 7 марта сего года прав Финляндии, Общество мелких народностей Поволжья, согласно постановлению Общего Собрания от 22 марта, восторженно приветствует в лице Финно-угорского общества все культурные силы братьев-финнов и надеется, что в Обновленной России и культурные общения между сородичами выльются в достойные свободных граждан свободные формы» [14, с. 172–173]. В свою очередь, учившийся в Казани финский тюрколог М. Рясянен, в будущем профессор

Хельсинкского университета, стал одним из первых членов Общества мелких народностей Поволжья.

Желание членов Общества (Союза) мелких народностей Поволжья изучать этнокультурную специфику своих народов, искать новые возможности для встраивания их в региональное полиэтничное и поликонфессиональное сообщество может рассматриваться как одна из первых попыток социально-политического и научного проектирования. Активно дискутируя, члены вотской секции (И.Я. Поздеев, В.Д. Крылов, И.С. Михеев, Т.К. Борисов и В. Фокин) приняли предложение Т.К. Борисова о том, что «для организации удмуртов на местах необходимо открывать отделы Общества мелких народностей Поволжья. Отделы эти сгруппируют вотяков нескольких деревень или даже всей волости. Уставы отделов составляются самими учреждениями мелких народностей Поволжья в Казани» [15, с. 15].

Опыт, приобретенный в те годы в Казани, оказался для основателей Общества полезным в их дальнейшей работе по созданию научно-исследовательских объединений на местах. Характеризуя инициативы близкой ему удмуртской интеллектуальной элиты, Н.В. Никольский писал: «В настоящее время вотская интеллигенция насчитывает в своих рядах до 30 лиц с высшим образованием: врачей, преподавателей, агрономов и т. п. С 1917 г. вотяки стали объединяться в культурно-просветительные общества и издавать газеты и журналы; имеются следующие общества:

1) Национальное общество вотяков. Организовано в 1918 году. Председатель И.С. Михеев.

2) Культурно-просветительное общество вотяков. Общество организовано в Глазове Вят. губ. в 1917 году. Председатель священник В. Крылов.

3) Культурно-просветительное общество вотяков. Основано К.С. Яковлевым в г. Елабуге в 1917 году. В настоящее время не функционирует.

4) Культурно-просветительный кружок в Малмыже» [16, с. 131].

Еще одним опытом самоорганизации людей, неравнодушных к истории и культуре родного края, опиравшихся на «старую традицию» и в то же время искавших формы взаимодействия с советскими властями, было создание Исторического общества в г. Малмыже Вятской губернии.

Инициатором объединения городских интеллектуалов стал сын местного купца, студент историко-филологического факультета Казанского университета и член ОАИЭ М.Г. Худяков (1894–1935) (см. [17, с. 8–9]). В октябре 1917 г. состоялась первая встреча учредителей, выработавших проект устава Общества. Организационное собрание прошло 19 января 1918 г. и два дня спустя Историческое общество в Малмыже было учреждено.

Главной целью Общества был определен сбор материалов по истории, археологии и этнографии уезда для организации Малмыжского музея местного края. Председателем Общества избрали краеведа и миссионера, члена ОАИЭ С.А. Багина. Обязанности секретаря исполнял М.Г. Худяков. Об открытии Общества были разосланы извещения многим научным объединениям и учреждениям. Приветственные телеграммы пришли от Московского археологического общества, Археологической комиссии, ОАИЭ, Вятской ученой архивной комиссии, Кукарского образовательного общества, Российского исторического

музея, Сарапульского земского музея, Финно-угорского общества и Национального музея Финляндии (ММК, л. 1).

Сразу после открытия руководство Общества обратилось к Малмыжскому городскому самоуправлению с просьбой передать Обществу книги исторического содержания и коллекцию древностей из собрания местного уроженца, известного финно-угроведа, профессора С.К. Кузнецова [18]. Городская голова отнесся к этой просьбе благосклонно, и Городская Дума вынесла постановление о передаче книг Историческому обществу. К сожалению, желающих расширить свои знания о прошлом родного края оказалось немного – время наступали смутные, настроения царили тревожные. Все ждали, как себя поведут революционные власти. Однако опасения оказались напрасными, так как большевистский Исполком работу Исторического общества счел перспективной и даже начал выделять некоторые средства на ее продолжение. Дело в том, что Общество изначально было ориентировано на изучение историко-культурного пространства полиэтничного и поликонфессионального уезда, что в целом отвечало установившейся политической линии.

Важным для нас фактом является то, что именно в Малмыже берет начало исследовательская карьера К.П. Чайникова (Кузубая Герда) (1898–1937) – поэта и этнографа, ставшего символом пробуждения удмуртского национального самосознания (см. [19, с. 19–27]). В 1918–1920 гг., возглавляя удмуртский подотдел уездного отдела народного образования, он много ездил, слушал, записывал и публиковал, что укрепляло его личную убежденность в том, что национальная культура должна опираться на традицию.

Историческое общество прекратило свое существование уже в 1919 г. Причиной стал отъезд из города его основных учредителей: М.Г. Худяков уехал в Казань, где вскоре начал работать в губернском музее [20, с. 105], К.П. Герд получил направление на учебу в Москву на центральные инструкторские курсы Наркомпроса [21]. Уже в Казани М.Г. Худяков публикует написанную им в «малмыжский период» работу, посвященную одному из феноменов этнографии удмуртов – воршудно-родовой организации [22, с. 339]. В Москве К.П. Герд организует Общество по изучению удмуртской культуры «Бöляк/Соседство», филиал которого открывается осенью 1923 г. в Казани. Основными участниками научно-исследовательских мероприятий филиала стали учившиеся в казанских вузах студенты-удмурты: под руководством И.С. Михеева они собирали этнографический материал во время своих летних и зимних каникул.

Таким образом, можно отметить, что этнографический исследовательский импульс, коснувшийся на рубеже XIX – XX вв. как русского, так и «инородческого» населения страны, нашел отражение в том числе в создании общественных организаций, специализирующихся на проблемах региональной истории и культуры. Примечательно, что Казань, являвшаяся в имперский период центром притяжения интеллектуальных, прежде всего гуманитарных, сил Востока России, в пореволюционные десятилетия оставалась местом трансляции ценностей региональной идентичности, не входящих в противоречие с мобилизованной этничностью тех лет.

Статья подготовлена в рамках реализации Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» на 2012–2014 гг. (проект № 12-П-6-1011).

Summary

A.E. Zagrebin. Kazan: Public Initiatives on the Development of Udmurt Ethnography in the First Soviet Decades.

The article is devoted to one of the stages in the history of the ethnographic study of Udmurts, which is connected with the activities of scientific societies of Kazan. It is shown that the collecting and educational work of the Society of Archeology, History and Ethnography under the Kazan University intensified the activity of local history studies among Udmurts. The revolutionary events of 1917 stimulated public initiatives to create scientific institutions conducting ethnographic researches in the Volga-Kama region.

Key words: Kazan, scientific societies, Finno-Ugric studies, ethnography of Udmurts.

Источники

ММК – Малмыжский краеведческий музей. Ед. хр. 400 нвф.

Литература

1. *Корсаков Д.А.* Об основании в Казани ученого общества для исследования археологии, истории и этнографии Казанского края // Труды IV Археологического съезда в России. – Казань: Тип. Имп. ун-та, 1884. – Т. 1. – С. 3–14.
2. *Христолюбова Л.С.* ОАИЭ и развитие этнографии в Удмуртии // 125 лет Обществу археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Проблемы историко-культурного развития Волго-Уральского региона. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2004. – Ч. 3. – С. 95–100.
3. *Обрезкова А.* Исследования жизни и деятельности представителей финно-угорской интеллигенции в Казани // Финно-угроведение. – 1999. – № 2–3. – С. 59–62.
4. *Загребин А.Е.* Казань, финно-угорская этнография и институт местных помощников // 125 лет Обществу археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Проблемы историко-культурного развития Волго-Уральского региона. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2004. – Ч. 3. – С. 101–106.
5. *Бобровников Н.А.* Об учреждении Востоковедной комиссии // Изв. О-ва археол., ист. и этногр. при Казан. ун-те. – 1919. – Т. 30, Вып. 2. – С. 167–174.
6. *Бобровников Н.А.* Об экспедиции для обследования языка и быта вотяков // Изв. О-ва археол., ист. и этногр. при Казан. ун-те. – 1919. – Т. 30, Вып. 2. – С. 175–187.
7. *Сануков К.Н.* Финно-угорские народы России: прошлое и настоящее. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2011. – 192 с.
8. *Павлов Н.П.* Самоопределение, автономия: идеи, реалии. – Ижевск: Удмуртия, 2000. – 224 с.
9. *Куликов К.И.* Трокай: художественно-документальная повесть. – Ижевск: Удмуртия, 1991. – 336 с.
10. *Иванов В.П., Изоркин А.В.* Союз мелких народностей Поволжья (1917–1918 гг.) как редкий пример региональной межэтнической консолидации и самоорганизации // Этническая мобилизация во внутренней периферии: Волго-Камский регион начала XX в.: Сб. докл. / Под ред. С. Лаллукки, Т. Молотовой. – Ижевск, 2000. – С. 169–174.

11. *Матвеев Г.Б.* О трудах Н.В. Никольского по истории, культуре и статистике народов Волго-Уралья и Сибири // Никольский Н.В. Собр. соч.: в 4 т. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2008. – Т. 3. – С. 9–23.
12. *Димитриев В.Д.* Н.В. Никольский – ученый, педагог, общественный деятель. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2002. – 102 с.
13. *Lallukka S.* Kazan Teacher's Seminary and the awakening of the Finnic peoples of the Volga-Urals Region // *Studia Slavica Finlandensia*. – 1987. – Т. 4. – P. 143–165.
14. *Луутонен Й.* Деятельность финских тюркологов, связанная с Казанью, и ее культурно-исторический контекст // *Studia Slavica Finlandensia*. – 2005. – Т. 22. – С. 161–180.
15. *Васильева О.И.* Удмуртская интеллигенция. Формирование и деятельность. 1917–1941 гг. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. – 210 с.
16. *Никольский Н.В.* Сборник исторических материалов о народностях Поволжья. – Казань: Изд-во Центр. отд. Мари при Наркомнаце, 1919. – 480 с.
17. *Гришкина М.Г., Кузьминых С.В.* Михаил Георгиевич Худяков как историк (вместо предисловия) // Худяков М.Г. История Камско-Вятского края: Избр. тр. – Ижевск: Удмуртия, 2008. – 416 с.
18. *Попов Н.* Вклад С.К. Кузнецова в изучение традиций марийцев и удмуртов // *Финно-угроведение*. – 2005. – № 1. – С. 58–78.
19. *Ермаков Ф.К.* Кузубай Герд (жизнь и творчество). – Ижевск: Полиграфкомбинат, 1996. – 444 с.
20. *Мельникова О.М.* Провинциальное археологическое сообщество Вятской, Казанской, Пермской губерний (вторая половина XIX – начало XX вв.): Библиографический словарь-справочник. – Ижевск: УдГУ, 2007. – 118 с.
21. *Гришкина М.Г.* Кузубай Герд и Михаил Худяков: личные контакты и творческое взаимовлияние // Кузубай Герд и современность: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Ижевск: Бон Анца, 2008. – С. 41–46.
22. *Худяков М.Г.* Вотские родовые деления // *Изв. О-ва археол., ист. и этногр. при Казан. ун-те*. – 1920. – Т. 30, Вып. 3. – С. 339–356.

Поступила в редакцию
22.11.11

Загребин Алексей Егорович – доктор исторических наук, профессор, директор Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН, г. Ижевск.
E-mail: adm@ni.udm.ru